Bahasın ***qassap****lar qoydı, Bahasına jetpedi, Altmısh batpan et ettim, Etin* ***etshi****ge berdim* (Ótirik óleńler, 506-b.).

Berilgan misolda “qassob” so‘zi barcha uslubga xos bo‘lsa, “etchi” so‘zi, ko‘pincha, bolalar tiliga mos qo‘llanilib, alohida uslubiy ma’noga ega holda qo‘llanilgan.

Jeti atasın bilgen er. Jeti jurttıń ***ǵamın*** *jer, Bir atasın bilgen er, Bir basınıń* ***ǵayın*** *jer (Termishler, 461-b.).*

Bu yerda “g‘ay” so‘zi badiiy adabiyot uslubiga xos bo‘lib, u “g‘am, hasrat, qayg‘u, tashvish” ma’nolarini bildirib, “g‘am” so‘ziga sinonim holda qo‘llangan.

– Júrisiń nege ***jıldam?*** (Tawlamashlar, Qumırısqa-qumırısqa, 477-b.); *Kósher bolsań, haw, bádik,* ***tezirek*** *kósh, Adamzatqa aybat shekken ayqulaqqa kósh* (Bádik darımı, 485-b.).

Ko‘rsatilgan misolda “tez” so‘zi barcha uslublar uchun tegishli bo‘lsa, “jildam” so‘zi badiiy adabiyot uslubi va publitsistik uslublar uchun xos bo‘lib keladi.

Demak, bolalar folklori tilida ma’nolari o‘zaro yaqin so‘zlar, ya’ni, sinonim so‘zlar juda ko‘p qo‘llanilib, ular tilimizning boyligini ko‘rsatuvchi asosiy leksik birliklar hisoblanadi. Bu sinonim so‘zlar bir necha sinonimik qatorlarni tuzib kelib, ularning barchasi hozirgi qoraqalpoq adabiy tiliga xos bo‘lib kelgan.

Xulosa va takliflar. Xulosa qilib aytganda, folklor asarlari bolalarning bizni o‘rab turgan atrof-muhit, milliy buyumlar, oziq-ovqat haqidagi tasavvurlarini kengaytirib boradi. Bolalar folklori tarbiyaviy ahamiyatga ega. Shuning uchun ularning lug‘at tarkibini, ayniqsa, ma’nolari bir-biriga yaqin sinonim so‘zlarni aniqlash bolalar tarbiyasida so‘zning ma’nolarini o‘rgatishda muhim hisoblanadi. Bolalar folklori til-da so‘zlarning bunday semantik jihatdan alohida o‘rganilishi bolalar folklorining xalqimizning milliy xalq og‘zaki ijodining o‘ziga xos bir turini tashkil etishi, bolalarning dunyoqarashi, ong-shuurining rivojlanishida, har tomonlama yetuk inson bo‘lib yetishishida katta ahamiyatga ega.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati:

(1). Абдурахманов Х., Маҳмудов Н. Сўз эстетикаси. Тошкент, 1981, 59-бет.

(2). Бекбергенов А. Қарақалпақ тилиндеги лексикалық синонимлердиң пайда болыў жоллары. “Өзбекстан ИА Қарақалпақстан филиалы Хабаршысы”, Нөкис, 1963, 83–86-бетлер.

(3). Бердимуратов Е. Ҳәзирги қарақалпақ тили. Лексикология. Нөкис, “Билим”, 1994, 186-бет.

(4). Доспанов О. Түслик диалектиндеги синонимлер ҳаққында.”Өз ИАҚҚБ Хабаршысы”, Нөкис, 1965, № 4, 8–92-бетлер.

(5). Қәлендеров М. Қарақалпақ тилиндеги синонимлер. Нөкис, «Қарақалпақстан», 1979, 88-бет.

(6). Қәлендеров М. Қарақалпақ тилиндеги синонимлердиң грамматикалық структуралық ҳәм лексика-семантикалық өзгешеликлери. Нөкис, “Қарақалпақстан”, 1989, 92-бет.

Аманкосова Шахноза Мырзагалиевна (Преподаватель кафедры русского языка и литературы Университета Маъмун; E-mail: tauriel9797@gmail.com; ORCID: 0009-0009-5622-068X)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В КАРАКАЛПАКСКОМ РОМАНЕ ЭПОХИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. *Исследуется трансформация женского самосознания в романе Т.Каипбергенова «Дочь Каракалпакии». Посредством пристального чтения, сопоставительного и нарратологического анализа рассматриваются сопротивление Джумагуль семейному насилию, её дневниковые записи и общественная деятельность. Выделяются взаимосвязанные механизмы изменения: осознание собственного достоинства, письменная оценка пережитого и ответственность перед другими. Отношение героини к принуждению раскрывает её способность к самостоятельному нравственному суждению. Вклад исследования состоит в совместном рассмотрении дневника, публичной речи и практик заботы. Результаты применимы при изучении каракалпакского романа и женских образов.*

Ключевые слова: *каракалпакский роман, женское самосознание, модернизация, Джумагуль, дневник, образование, нравственный выбор.*

MODERNIZATSIYA DAVRIDAGI QORAQALPOQ ROMANIDA AYOLLARNING O‘ZLIGINI ANGLASHIDAGI O‘ZGARISHLAR

Annotatsiya. *Maqolada T.Qaipbergenovning «Qoraqalpoq qizi» romanida ayolning o‘zligini anglashi qanday o‘zgarishi o‘rganiladi. Yaqindan o‘qish, qiyosiy va narratologik tahlil yordamida Jumagulning oilaviy zo‘ravonlikka qarshiligi, kundalik yuritishi va jamoat faoliyati tahlil qilinadi. O‘zgarishlarning o‘zaro bog‘liq mexanizmlari sifatida o‘z qadrini anglash, tajribani yozma baholash va boshqalar oldidagi*

mas'uliyat ajratiladi. Qahramonning majburlashga munosabati uning mustaqil axloqiy mulohaza yuritishini ko'rsatadi. Tadqiqot hissasi kundalik, ommaviy nutq va g'amxo'rlik amaliyotini birgalikda talqin qilishdan iborat. Natijalardan qoraqalpoq romani va ayol obrazlarini o'rganishda foydalanish mumkin.

Kalit so'zlar: *qoraqalpoq romani, ayolning o'zligini anglashi, modernizatsiya, Jumagul, kundalik, ta'lim, axloqiy tanlov.*

THE TRANSFORMATION OF WOMEN'S SELF-AWARENESS IN THE KARAKALPAK NOVEL OF MODERNIZATION

Annotation*. This article examines the transformation of women's self-awareness in T. Kaipbergenov's Daughter of Karakalpakia. Close reading, comparative analysis and narratological analysis explore Dzhumagul's resistance to domestic violence, her diary and her public work. The study identifies interconnected mechanisms of change: recognition of personal dignity, written reflection on experience and responsibility towards others. The heroine's attitude to coercion reveals her capacity for independent ethical judgement. The contribution lies in examining diary writing, public speech and practices of care together. The findings can inform research and teaching on the Karakalpak novel and representations of women.*

Keywords: *Karakalpak novel, women's self-awareness, modernization, Dzhumagul, diary, education, ethical choice.*

Введение. Трансформация женского самосознания в «Дочери Каракалпакии» Т.Каипбергенова раскрывается через изменение отношения героини к собственной жизни: первоначально переживаемое как неизбежная участь становится предметом оценки, выбора и действия. История Джумагуль позволяет исследовать не только расширение социальных возможностей женщины, но и формирование способности объяснять пережитое, высказывать несогласие и отвечать за последствия своего вмешательства в судьбы других людей. Поэтому общественное возвышение героини необходимо соотнести с поэтикой её внутренней жизни.

Под женским самосознанием в настоящей работе понимается изображённая в тексте способность женщины осознавать собственное достоинство, оценивать предписанные ей роли и обосновывать свои решения. Модернизация рассматривается в пределах романного мира: как совокупность изменений, связанных со школой, письменной культурой, общественными учреждениями и коллективным трудом. Такое определение не предполагает тождества между художественным изображением и исторической действительностью. Формула «роман эпохи модернизации» в заглавии обозначает прежде всего предмет изображения, а не датировку создания произведения.

Цель статьи - выявить художественные механизмы трансформации самосознания Джумагуль и установить, как личная самостоятельность соотносится с включением в новые общественные отношения. Объект исследования – роман «Дочь Каракалпакии»; предмет - речевые, психологические и сюжетные формы самоопределения главной героини. Задачи включают анализ семейного принуждения, функции дневника, освоения публичной речи и нравственных противоречий общественной деятельности.

Предлагаемый исследовательский ракурс состоит в соединении анализа дневникового самонаблюдения с анализом практического отношения героини к чужой свободе. Рабочая гипотеза заключается в том, что зрелость Джумагуль выражается не только в изменении её положения, но и в способности критически оценивать способы достижения признанной ею общественной цели. Научная значимость такого подхода связана с уточнением модели женского становления в конкретном романе; практическая – с возможностью использовать результаты в преподавании каракалпакской литературы и сравнительном изучении женских образов.

Обзор литературы. Материалом анализа служат русскоязычная версия романа и отдельное печатное издание второй книги в переводе Г.Марьяновского. З.У.Бекбергенова в автореферате о художественной речи каракалпакских романов относит дневниковые записи к формам внутреннего монолога [2;с.49]. Эта классификация позволяет рассматривать дневник как способ построения образа, а не только как источник сведений о событиях. Однако исследование Бекбергеновой посвящено романам 1980–2010-х годов: его положения используются здесь как аналитический инструмент, а не как готовое истолкование «Дочери Каракалпакии».

Г.Р.Абдалиева определяет свой подход к индивидуальному стилю Т.Каипбергенова как лингвопоэтический [1;с.36]. В центре её диссертации находятся средства словесной изобразительности, прежде всего на материале «Дастана о каракалпаках» и «Каракалпакнамэ». Для настоящей работы значим сам принцип соотнесения речевого оформления с художественной индивидуальностью пи-

сателя. Вместе с тем изучение отдельного тропа не заменяет анализа того, как героиня связывает воспоминание, оценку и решение.

Виктория Бильге Йылмаз обращает внимание на зависимость изображения каракалпакской культуры в романе от идеологии и специально выделяет вопрос о положении женщины [7;с.243]. Такая постановка проблемы предостерегает от использования романа как непосредственного этнографического свидетельства. В настоящей статье идеологическая организация повествования учитывается, но не устраняет интереса к внутренним противоречиям женского становления.

Таким образом, выбранные исследования дают разные основания для анализа: поэтику внутренней речи, лингвопоэтику авторского стиля и критику идеологической обусловленности изображения. Неразрешённым в пределах этого круга работ остаётся вопрос о связи письменного самоанализа Джумагуль с её отношением к принуждению и доверию. Именно эту связь рассматривает статья; утверждение об отсутствии подобных исследований во всём литературоведении не выдвигается.

Методология исследования. Работа построена как качественное исследование одного произведения. Основные методы – пристальное чтение, сопоставление эпизодов двух книг и нарратологический анализ соотношения повествовательного слова, диалога и дневника. Единицей анализа выступает эпизод, в котором меняются самооценка героини, её способ говорить о себе либо отношение к чужому выбору. Отбор охватывает начальную семейную коллизию, подготовку отъезда на учёбу, дневниковые записи, деятельность женотдела, спор о принуждении и финал.

Анализ проведён в три этапа: установление ситуации и говорящего; рассмотрение речевой или композиционной формы; сопоставление с последующими решениями героини. Слова повествователя не приравниваются к самооценке персонажа. Особое внимание уделяется вложенной структуре дневникового фрагмента: Турдыгуль переписывает записи Джумагуль, а затем её тетрадь оказывается у противников новой власти [3;с.72–76].

Анализ и результаты. В начале первой книги Джумагуль ещё не располагает языком общественного протеста. Тем не менее сцена избиения Санем обнаруживает способность девочки противопоставить отцовской власти собственное суждение: «Ты... Ты убил мою мать!» [3; с. 2]. Эта реплика передаёт убеждение испуганного ребёнка, а не окончательный исход эпизода: Санем остаётся жива. Существенно, что Джумагуль уже называет виновного и не принимает семейную иерархию как достаточное оправдание жестокости.

Ответ Зарипбая переводит конфликт в другую плоскость: «С непокрытой головой перед отцом явиться – бесчестье какое! Позор!» [3;с.2]. Его возмущение направлено на нарушение дочерью нормы поведения, тогда как собственное насилие не становится предметом самоосуждения. Соположение реплик обнажает несовпадение двух нравственных мер: достоинства пострадавшего человека и внешнего соблюдения подчинённости. Начало самостоятельного сознания здесь предшествует обучению и общественному признанию.

В браке пережитая травма не исчезает. Описание Джумагуль строится на несоответствии вынужденной улыбки и настороженного взгляда; унижение сохраняется и вне открытой ссоры [3;с. 54]. Такое расхождение внешнего жеста и внутреннего состояния показывает, что покорность не равна согласию. Однако внутреннее неприятие ещё не даёт возможности изменить положение. Роман различает нравственное несогласие и практически осуществимый выход из зависимости.

Традиционная среда при этом не сводится к единому источнику подавления. Рассказы Айши открывают девочкам мир благородства, дружбы и верности, противопоставленный повседневному унижению [3;с.17]. Следовательно, воображение иной жизни питается также устной культурой. Модернизационный сюжет преобразует уже существующую потребность в достоинстве, а не создаёт её из полного отсутствия внутреннего опыта.

От возможности уйти к обоснованному выбору. Перед отъездом на учёбу Джумагуль сталкивается с желанием Бибигуль немедленно присоединиться к ней. Вместо безоговорочного одобрения она предлагает подруге обдумать решение. Затем сама сомневается, не погасила ли порыв, который мог изменить чужую судьбу [3;с.122]. Сюжетное замедление существенно: героиня начинает учитывать не только общий идеал освобождения, но и различие жизненных обстоятельств двух женщин.

Здесь формируется ответственность за совет. Джумагуль не обладает готовым знанием о том, какой выбор должна сделать подруга; её размышление сохраняет неуверенность. Поэтому героиня

выходит за пределы простого противопоставления смелости и покорности. Личное решение показано как действие, требующее соотнести надежду, риск и способность продолжать избранный путь.

Дневник как форма изменения отношения к себе. Во второй книге образование обретает внутреннее измерение. В записи Джумагуль появляется вопрос: «Писать, чтобы уметь писать? Читать, чтоб научиться читать? И только?..» [3;с.73]. Героиня ищет смысл приобретённых навыков. Грамотность важна потому, что позволяет сделать собственную жизнь предметом последовательного размышления, сохранить прежний вопрос и позднее вернуться к нему.

Перечитывание записей создаёт дистанцию между прежним и настоящим «я»: «Недавние записи, а будто чужая рука» [3;с.76]. Повествование не ограничивается сообщением о развитии героини: оно показывает сам акт обнаружения перемены. Джумагуль узнаёт себя в написанном и одновременно перестаёт совпадать с прежней точкой зрения. Таким образом, дневник соединяет память с самокоррекцией.

Особое значение имеет посредничество Турдыгуль. Переписывая дневник Джумагуль как образец, она учится не только письму, но и способу выражать переживание. Женское самопознание приобретает межличностный характер: опыт одной женщины помогает другой найти форму для собственного голоса. Захват тетради и её чтение враждебными персонажами превращают частное письмо в предмет борьбы за толкование. Интерес слушателей к записям и попытка ахуна остановить чтение подчёркивают способность личного свидетельства нарушать заранее заданную оценку женщины [3;с.72–75].

Публичная речь и сохранение личных привязанностей. На митингах Джумагуль испытывает телесно выраженный страх: «в горло будто песок насыпали – слова застревают» [3;с.76]. Способность говорить перед людьми возникает постепенно, через усилие и отклик слушателей. В дневнике героиня связывает потребность в знаниях с необходимостью убеждать. Поэтому обучение изображается не как получение формального статуса, а как расширение возможностей аргументированного действия.

Однако общественная цель не поглощает всей внутренней жизни Джумагуль. Та же дневниковая запись возвращает её к тоске по матери и дочери [3;с.76]. Соседство размышлений о выступлениях и переживания разлуки препятствует представлению о становлении как о простом отказе от семейных связей. Меняется не способность любить близких, а положение женщины внутри отношений: привязанность больше не должна означать безусловного отказа от собственного пути.

Общественная деятельность и пределы административного решения. При назначении Джумагуль заведующей женотделом Баймуратов связывает её работу с разъяснением прав, школой, коллективным трудом и личным примером [3;с 97]. Но уже вопрос о семейном положении показывает, что новая должность не устраняет прежних способов оценки женщины. Личная биография продолжает влиять на признание её общественного авторитета.

В дальнейшем Джумагуль различает пресечение насилия и создание условий для самостоятельной жизни. Запись после разговора с Баймуратовым включает организацию женских артелей, поиск помещения и средств производства [3;с.153–154]. Самосознание получает практическое продолжение: защита достоинства требует материальных возможностей и устойчивых связей между женщинами. Указание учитывать психологию и традиции при первоначально женском составе артелей показывает постепенность преобразования, а не мгновенное исчезновение сложившихся ограничений.

Нравственная самостоятельность наиболее отчётливо проявляется в споре о способах изменения жизни. Сначала Джумагуль сама недоумевает, почему люди сопротивляются предлагаемой им цели. Но прямой вывод Коразбекова о допустимости насилия заставляет её уточнить собственную позицию: «Насильно, под конвоем вести к свободе?» [3;с.167]. Вопрос направлен уже не против прежнего домашнего господства, а против принуждения, оправдываемого обещанием счастья. Это важный сдвиг: героиня проверяет нравственным критерием средства своих единомышленников.

Её позиция не означает выхода за пределы принятого общественного идеала. Она сохраняет веру в преобразование жизни, но настаивает на сознательном участии людей. Самостоятельность оказывается способностью различать цель и метод её осуществления.

Изменение отношения Кызларгуль к школе связано с ночью, проведённой вместе с Джумагуль у больного ребёнка. Помощь позволяет увидеть в представительнице учреждения человека; после этого Кызларгуль включается в поддержку обучения и организации артели [3; с. 165–166].

Этот эпизод не отменяет значения убеждения, но показывает его условие: доверие возникает в совместно пережитой ситуации, а не исключительно благодаря правильной формулировке решения.

Финал сохраняет сложность достигнутой самостоятельности. Встреча Джумагуль с вооружённым отцом завершает преобразование первоначальной семейной коллизии: теперь она способна остановить угрозу. Однако после столкновения появляется слеза, а не только чувство победы [3;с. 220–221]. Способность защитить себя не уничтожает болезненной связи с прошлым. В заключительном эпизоде, заметив Турумбета среди всадников, героиня возвращается к столу: «её ждали дела, ждали люди...» [3;с.223]. Последний композиционный акцент связан с продолжающейся ответственностью, а не с восстановлением брачной зависимости.

Таблица 1

Механизмы трансформации самосознания Джумагуль

Механизм	Форма в тексте	Результат
Нравственная оценка	Обвинение отца; расхождение улыбки и переживания [3;с.2,54]	Различение подчинения и внутреннего согласия
Письменная рефлексия	Вопросы и перечитывание дневника [3; с.73–76]	Сопоставление прежнего и настоящего «я»
Ответственность перед другими	Спор о принуждении; помощь больному ребёнку [3;с.165–167]	Соотнесение общей цели с доверием и сознательным участием

Обсуждение результатов. Выделенные механизмы образуют аналитическую модель, а не жёсткую последовательность завершённых ступеней. Нравственное сопротивление появляется до грамотности, письменный самоанализ продолжается во время общественной работы, а новое положение не избавляет от тревоги и уязвимости. Между внешним изменением роли и внутренним самоопределением существует связь, но отсутствует автоматическое совпадение.

Нарратологический подход позволяет уточнить тезис об идеологической обусловленности произведения. Дневниковая речь, включённая в повествование об общественном преобразовании, действительно воспроизводит его ценностный язык. Одновременно она удерживает сомнение, память о близких и потребность пересмотреть собственный вопрос. Наиболее существенное напряжение возникает между представлением о заранее известной цели и признанием того, что человеческую свободу невозможно осуществить посредством одного принуждения.

Результаты не дают оснований характеризовать таким образом всё женское население Каракалпакстана или весь каракалпакский роман XX века. Они описывают способы построения конкретного художественного образа. Прочтение других произведений и сопоставление оригинала с переводом необходимы для проверки того, насколько предложенная модель применима за пределами рассмотренного текста.

Заключение. В «Дочери Каракалпакии» трансформация женского самосознания изображена как переход от переживания несправедливости к её осмыслению и ответственному действию. Первоначальное сопротивление Джумагуль обнаруживается внутри семейной зависимости; образование предоставляет ему новые речевые и социальные формы. Дневник делает изменение личности доступным самонаблюдению, публичное выступление превращает личное убеждение в обращение к другим, а деятельность женотдела требует соединить защиту достоинства с созданием практических возможностей.

Главным результатом анализа является выявление связи между письменной самокоррекцией и нравственной самостоятельностью героини. Джумагуль способна пересматривать не только прежние страхи, но и собственное представление о допустимых способах воздействия на людей. Спор о принуждении и эпизод совместной заботы показывают, что зрелость женского сознания выражается также в признании чужого опыта и необходимости доверия.

В учебной практике рассмотренные эпизоды целесообразно сопоставлять по трём вопросам: кто оценивает происходящее, как оформляется внутренний голос и какие последствия имеет решение героини. Перспективу исследования составляет сверка дневниковых и диалогических фрагментов с каракалпакским оригиналом, а также сравнение моделей женского становления в других национальных романах без предварительного сведения их к единой схеме.

Список использованной литературы:

(1). Абдалиева Г.Р. Структурно-семантические и стилистические особенности языка произведений Т. Каипбергенова. Дис. … д-ра наук (DSc) по филологии. 10.00.03. Нукус, 2024.

(2). Бекбергенова З.У. Поэтика художественной речи в каракалпакских романах (1980–2010-е годы). Автореф. дис. … д-ра филол. наук (DSc). 10.00.03. Нукус, 2017.

(3). Каипбергенов Т. Дочь Каракалпакии. Роман в 2 кн. Перевод с каракалпакского Г.Марьяновского. Нукус, “Каракалпакстан”, 1982.

(4). Нурмухамедов М.К. Каракалпакская советская проза. Ташкент, “Фан”, 1968.

(5). Орымбетова Н.Б. Проблема характера героя в каракалпакском романе 80-х годов. Автореф. дис. … канд. филол. наук, 10.01.02. Нукус, 2001.

(6). Султанов Қ.Т.Қайыпбергеновтың прозасы. Нөкис, “Қарақалпақстан”, 1979.

(7). Yılmaz V.B. Karakalpak Kızı. An Analysis of Karakalpak Culture // Sosyal Bilimler Dergisi / The Journal of Social Sciences. 2019, № 41, p. 243–250. DOI: 10.29228/SOBIDER.32632.

Ibrohimova Nasiba Mirzohid qizi (O‘zbekiston davlat Jahon tillari universiteti tayanch doktoranti; mirzohidovna0328@gmail.com)

KONSEPT VA KONSEPTLAR KLASTERI TUSHUNCHASINING ZAMONAVIY TILSHUNOSLIKDAGI PARADIGMALARI

Annotatsiya. *Maqolada zamonaviy tilshunoslikda konsept va konseptlar klasteri tushunchalarining nazariy talqinlari tahlil qilinadi. Tadqiqotning muammosi konseptning kognitiv, lingvomadaniy va strukturaviy xususiyatlarini izohlovchi yondashuvlarning o‘zaro munosabatini tizimlashtirish zarurati bilan belgilanadi. Nazariy-qiyosiy tahlil asosida S.A.Askoldov, N.D.Arutyunova, E.S.Kubryakova, V.A.Maslova, V.I Karasik, E.Rosch, G.Lakoff va Ch.Fillmore qarashlari qiyoslanadi. Tahlil konseptni alohida mental birlik sifatida emas, balki prototipik, radial va freym munosabatlari orqali tizimlashuvchi konseptual tuzilmaning tarkibiy qismi sifatida izohlash imkonini ko‘rsatadi. Natijalar “shaxs” va “jamiyat” konseptlarini keyingi tadqiqot bosqichlarida o‘zaro bog‘langan konseptual birliklar sifatida tahlil qilish uchun nazariy asos yaratadi.*

Kalit so‘zlar: *konsept, konseptlar klasteri, kognitiv tilshunoslik, lingvokulturologiya, prototip, radial model, freym semantikasi, konseptualizatsiya.*

Иброхимова Насиба Мирзохид кизи (опорный докторант, Узбекский государственный университет мировых языков; mirzohidovna0328@gmail.com)

ПАРАДИГМЫ ПОНЯТИЙ «КОНЦЕПТ» И «КЛАСТЕР КОНЦЕПТОВ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Аннотация. *В статье анализируются теоретические интерпретации понятий концепта и кластера концептов в современной лингвистике. Проблема исследования связана с необходимостью систематизации взаимосвязи когнитивных, лингвокультурологических и структурных подходов к концепту. На основе теоретико-сопоставительного анализа рассматриваются взгляды С.А. Аскольдова, Н.Д.Арутюновой, Е.С.Кубряковой, В.А.Масловой, В.И.Карасика, Э.Рош, Дж.Лакоффа и Ч.Филлмо-ра. Анализ показывает возможность трактовки концепта не только как отдельной ментальной единицы, но и как компонента концептуальной структуры, организуемой посредством прототипических, радиальных и фреймовых отношений. Полученные положения создают теоретическую основу для последующего анализа концептов «личность» и «общество» как взаимосвязанных единиц.*

Ключевые слова: *концепт, кластер концептов, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, прототип, радиальная модель, фреймовая семантика, концептуализация.*

Ibrokhimova Nasiba Mirzokhid kizi (Basic doctoral student, Uzbekistan State University of World; Languages; mirzohidovna0328@gmail.com)

PARADIGMS OF THE NOTIONS OF CONCEPT AND CONCEPT CLUSTERS IN MODERN LINGUISTICS

Annotation. *The article analyzes theoretical interpretations of the notions of concept and concept cluster in modern linguistics. The research problem concerns the need to systematize the relationship between cognitive, linguocultural and structural approaches to concept. Using theoretical and comparative analysis, the study examines the views of S.A.Askoldov, N.D.Arutyunova, E.S.Kubryakova, V.A.Maslova, V.I.Karasik, E.Rosch, G.Lakoff and Ch.Fillmore. The analysis shows that a concept can be interpreted not only as an individual mental unit but also as a component of a conceptual structure organized through prototypical, radial and frame relations. These findings provide a theoretical basis for subsequent analysis of the concepts of ‘individual/person’ and ‘society’ as interconnected conceptual units.*